

СИСТЕМА СОГЛАСНЫХ ЗВУКОВ ЗАБОЛОТНОГО ГОВОРА ТОБОЛО-ИРТЫШСКОГО ДИАЛЕКТА СИБИРСКИХ ТАТАР*¹

Р.С. Барсукова
ФГБОУ ВПО «Казанский государственный аграрный университет»,
г. Казань

В данной статье остановимся на систему согласных заболотного говора тоболо-иртышского диалекта, а именно на своеобразное употребление в говоре заднеязычных *к*, *г* и глубокозаднеязычных согласных *қ*, *ғ*, *х*. Кроме этих звуков в заболотном говоре употребляется палатализованный вариант *х'* звука *х*.

Заднеязычные *к*, *г* и глубокозаднеязычные *қ*, *ғ*, *х*, употребляемые в данном говоре, по артикуляции не отличаются от соответствующих звуков литературного языка.

Фонемы *ғ*, *г* — целевые звонкие согласные. В начале как собственно татарских слов, так и заимствований эти звуки систематически оглушаются: *Қәли* — Гали, *Қәлимә* — Галимә, *қәйеф* — гаеп, *қәтәт* — гадәт и др.

В собственно татарских словах в начале слова вместо заднеязычного *г* выступает его глухая пара *к*: *кел* — литер. гел — всегда, *көл* — гөл — цветок.

В интервокальной позиции или в позиции между сонорным и гласным в середине слов звуки *г*, *ғ* переходят в *w* или выпадают: *түwел* — литер. *түгел* — не, нет, *таын* — тағын — еще, *төwәрәх'* — түгәрәк — круглый и др.

Глубокозаднеязычный *ғ* в исследуемом говоре выпадает также и в начале арабских заимствований: *әчәф* — гажәп — удивительно, *Антулла* — Габдулла, *Әйшә* — Гайшә — соб. имена; в середине слов: *йома* — жомга — пятница и др.

Выпадение *ғ* в арабских заимствованиях является характерной особенностью мишарского диалекта.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (Грант № 11-04-12020В).

Фонемы *к, қ* — смычные глухие согласные. Встречаются в основном в начале и реже в середине слов. В начальной позиции: *кән* — диал. много, *кинәт* — внезапно, *қаньт* — диал. сахар, *қапцых* — мешок, *қам^ватла* — литер. *кабатла* — повторяй и др. В середине слов: *иркә* — избалованный.

В определенной группе слов в начальной и интервокальной позициях звуки *к* и *қ* озвончаются: *төлгө* — литер. төлке — лиса, *геше* — кеше — человек, *гәрәх'* — кирәк — нужно, *йага* — яка — воротник и др.

Озвончение *к, қ* в интервокальной позиции, кроме говоров сибирских диалектов, наблюдается в говорах мишарского диалекта, в отдельных словах зафиксированы также и в нагорных, подберезинском, ичкинском, златоустовском, пермском и других говорах среднего диалекта. (См.: карту № 50 Диалектологического атласа татарского языка).

В исследуемом говоре в слове *итмәх'* — литер. икмәк — хлеб наблюдается соответствие *т~к*. Данное соответствие также наблюдается во многих татарских говорах, а в мишарских говорах оно распространяется и на другие слова; характерно и для ряда других тюркских языков: башк. *сәтләүек*, кар. *этмяк*, алт. *итпек* и др.; в др.-тюрк. памятниках *йтмәк* [Боровков, 1963].

Отличительную черту заболотного говора составляет спирализация звуков *к* и *қ*, в результате которого заднеязычный *к* переходит в заднеязычный щелевой *х'* (палатализованный), а глубокозаднеязычный *қ* — в увулярный щелевой *х*.

Спирантизация *қ, к* в *х, х'* в рассматриваемом говоре происходит в следующих позициях:

в абсолютном конце слов: *арых* — литер. арык — худой, *қапцых* — капчык — мешок, *йастых* — ястык — подушка, *түшәх'* — түшәк — перина;

в конце слога и в различных позициях: *ахтару* (< диал. актару), литер. аудару — опрокидывать, *ахца* — акча — деньги, *сыхтах* — елак — плакса и т.д.

В начале слога после глухих согласных: *тырышхан* — тырышкан — старался, *үтх'ер* — үткен — проворный, *китх'ән* — киткән — ушел и т.п.

В начале отдельного слова такое явление встречается очень редко. Нами выявлены лишь единичные примеры, когда в процессе речи прослеживаются эти звуки: *Уйынцыхларны хахшатмаң* (диал. *қахшату* — ломать) — *Уенчыкларны ватмагыз* — Не ломайте игрушки. *Әйтеф халтырған* — Әйтеп калдырган — Завещал.

Эта особенность в говоре распространяется и на взрывной *ɣ*, что, видимо, происходит через *ɣ > к*: *сөйх'әле* — общедиал. сөйгәле — литер. сөяргә — любить, *кейх'әле* — кейгәле — кияргә — одевать, *йәйх'е* — жәйге — летний.

Употребление *х* вместо *қ* имеет место во многих тюркских языках. Среди тюркских языков Поволжья и Урала оно наблюдается в той или иной степени в говорах всех диалектов татарского языка; довольно активно — в говорах мишарей Пензенской области, Мордовии, кряшен. Ср.: миш.д. *тыхым* — род, племя, *мыхлану* — наедаться; кас. *хәдәр* — қадәр, *хурай* — курай; в говоре мишарей с. Татарщино (Тамбовской области) *к~х* наблюдается в конце слога: *махта* — хвалить, *тухсан* — девяносто; в сергачском говоре наблюдается в заимствованных словах: *вахыт* — время, *хадар* — қадәр и т.д.

В чувашском языке древнетюркскому велярному *к* во всех положениях соответствует фрикативный *х*: *халах* — народ, *вахат* — время, *ансатлах* — легкость [Чувашско-русский словарь, 1985].

Из западных районов расселения тюрков очень схожие случаи наблюдаются в караимском языке, в большинстве случаев в тракайском, редко в галицком диалектах данного языка. Этимологический велярный *к* на исходе слова в тракайском перешел в смычно-гортанный *х*, а в галицком — в среднеязычный *к*. Например: трак. *бармах* — палец, *абайлых* — уважение, *йавлух* — полотенце [Языки...—1966: 206].

Из тюркских народов Сибири употребление *x* вместо *k* встречается в якутском, хакасском языках. Такое же явление характерно и для азербайджанского языка, где *k* выступает во всех позициях: в конце многосложных слов переходит в щелевой *x'*: *kəzlux'* — очки.

Из тюркских языков Средней Азии описываемое явление частично наблюдается в узбекском, где в конце слога перед шумными глухими и сонорными при быстром темпе речи *k* утрачивает «смычность», в силу чего создается акустический эффект щелевого *x*: *maxsat* — цель, *soxlaish* — хранение [Кононов, 1960: 28, 31].

Явление спирантизации характерно и для Codex Cumanicus, где в тюркских словах в любой позиции вместо *k* часто употребляется *x*: *chaz* — каз — гусь, *jachsirac* — йахшырак — получше и др.

x~k является также характерной особенностью языка армяно-кыпчакских рукописей XVI—XVII вв. [Абдуллин, 1974: 174].

Из приведенных фактов видно, что звук *x* свойственен многим тюркским языкам и диалектам. Для некоторых из них, а именно для чувашского, якутского, караимского, хакасского, употребление *x* вместо *k* является закономерным.

В тюркологии об употреблении *x* вместо *k* существует несколько мнений.

По мнению исследователя сибирских диалектов Д.Г.Тумашевой, данное явление в заболотном говоре связано с общей тенденцией спирантизации согласных, которая может быть поставлена в зависимость от финно-угорского субстрата, т.к. известно, что татары на этой территории распространились среди хантов [Тумашева, 1977: 169]. Такого же мнения придерживается и Б.А.Серебрянников.

По предположению Л.Залая, звук *k* был характерным для основного болгарского диалекта, а звук *x* — для суварского [Жэлэй, 1954: 74-77].

Наличие звука *x* зафиксировано в надгробных памятниках болгарского периода. По предположению Л.Ш.Арсланова, звук *x* в татарском языке

является реликтом какого-то племенного языка, участвовавшего в формировании татарского языка [Арсланов, 1966: 55].

Фонема *х* — глубокозаднеязычный щелевой глухой согласный. Как было выше сказано, он употребляется вместо звука *қ*.

В начале общетюркских и заимствованных слов *х* литературного языка заменяется звуком *қ*: *қал* — хэл — состояние, *қалых* — литер. халык — народ, *Қәлит* — Хэлит, *Қәтичә* — Хәдичә, *Қәлим* — Хәлим — соб. имена.

Таким образом, употребление глубокозаднеязычного *қ* вместо *х* литературного языка или наоборот, наблюдается во многих татарских говорах, характерно и для ряда других тюркских языков.

Литература

Абдуллин И.А. Армяно-кыпчакские рукописи и их отношение к диалектам татарского языка // Материалы по татарской диалектологии. – Выпуск 3.– Казань, 1974.– С. 166-185

Арсланов Л.Ш. Татарские говоры правобережных районов Татарской и Чувашской АССР: Дис. ... канд. филол. наук.– Казань, 1966.

Атлас татарских народных говоров Среднего Поволжья и Приуралья и Комментарии к «Атласу ...».– Казань, 1989.

Баязитова Ф.С. Говоры татар-кряшен в сравнительном освещении.– М., 1986.– 248 с.

Боровков А.К. Лексика среднеазиатского тефсира XII–XIII вв.– М., 1963.

Жәләй Л. Татар теленең тарихи фонетикасы буенча материаллар.– Казан, 1954.

Кононов А.Н. Грамматика современного узбекского литературного языка.– М.-Л., 1960.

Махмутова Л.Т. Опыт исследования тюркских диалектов: мишарский диалект татарского языка.– М., 1978.– 272 с.

Тумашева Д.Г. Диалекты сибирских татар: опыт сравнительного исследования.– Казань, 1977.– 295 с.

Татар теленең диалектологик сүзлеге.– Казан, 1969; 1993.

Рамазанова Д.Б. К истории формирования говора пермских татар.— Казань, 1996.—239 с.

Хайрутдинова Т.Х. Говор златоустовских татар.— Казань, 1985.— 157 с.

Языки народов СССР.— Т. II: Тюркские языки.— М., 1966.